

Чжоу Юй нахмурился ещё сильнее, похоже, всерьёз разозлившись:

— Больше не говори таких глупостей, и прости за хлопоты, господин.

Но Сунь Цэ, напротив, повеселел. Видираясь, он понял, что Чжоу Юй и вправду боится, как бы с ним чего не случилось. Приподняв брови, он усмехнулся:

— О? Тогда и тебя попрошу, Великий дуду Гунцзинь: впредь тоже не проси меня не оставлять тебя позади.

У Чжоу Юй внезапно заколотилось сердце. Заставив себя успокоиться, он не стал смотреть, как Сунь Цэ ложится в постель, готовясь отдыхать. Заметив, что Чжоу Юй своим молчанием дает понять, что гостям пора уходить, Сунь Цэ счел, что выставять его некрасиво, и вышел из комнаты.

Прибегнув к уловке причинения боли себе ради доверия врага, Чжоу Юй добился того, что Сунь Цэ проявил о нем заботу, и они помирились. Однако он никак не ожидал, что Сунь Цэ рассердится из-за его слов о том, что обычные братья и правитель с подданными — это совершенно разные вещи.

Сунь Цэ был хорошим господином, который не любил принуждать людей, но в глубине души он непременно должен был заполучить то, чего желал. В этот момент Сунь Цэ думал лишь об одном: он непременно заставит Чжоу Юя покориться ему и душой, и телом.

Ранним утром того же дня Чжоу Юй, глядя на Сунь Цэ, который во дворе размахивал мечом и копьём, встревоженно предостерег его:

— Не прошло и полмесяца с тех пор, как ты отдохнул, а ты снова собираешься в поход. Тебе-то, может, и не надоело, да только воины будут недовольны.

Сунь Цэ, не сбивая дыхания, одновременно размахивал алебардой и отвечал Чжоу Юю:

— Пока не отомщена смерть отца, я не найду покоя.

Чжоу Юй не знал, что и ответить. Урожай зерна в Цзяндуне в этом квартале выдался плохим, боевой дух солдат из-за гибели прежнего господина был невысок, и опрометчивое выступление в поход несомненно привело бы к тяжелым потерям. Но решимость Сунь Цэ отомстить за отца была непоколебима, и Чжоу Юй втайне ломал голову над тем, как поступить.

Госпожа Сунь и родители Чжоу Юя — все просили Чжоу Юя отговорить Сунь Цэ от похода и повременить еще хотя бы год. Сейчас даже простой призыв в армию давался с невероятным трудом. Чжоу Юй метался, словно муравей на раскаленной сковородке, и в последние дни расспрашивал всех подряд: повсюду докладывали, что набор войск идет не лучшим образом, а

если проводить его насильно, упадут налоговые сборы с зерна. К тому же многие влиятельные семьи ставили под сомнение способность Армии Сунь выстоять.

Верность и сыновний долг — оба пути одинаково трудны.

Глядя на бравый и лихой вид Сунь Цэ, Чжоу Юй немного отвлекся. Вспомнив, что Сунь Цэ любит мериться с ним боевым искусством, он подумал, что, возможно, если они хорошенько подерутся, ему удастся того уговорить. Чжоу Юй протянул руку к стойке с оружием, вытащил копьё с красной кистью и сделал пару взмахов. Сунь Цэ сразу всё понял и бросился отражать удар. Переглянувшись, они рассмеялись и принялись взаимно сдерживать выпады друг друга.

Чжоу Юй с наигранной насмешкой бросил:

— Бофу, неужели тебе жалко бить в полную силу? Придется мне самому перехватить инициативу!

Обычно Чжоу Юй упражнялся лишь с мечом и не жаловал длинное оружие, в то время как Сунь Цэ мастерски владел и мечом, и копьем. Услышав, как Чжоу Юй получил преимущество и тут же начал язвить, Сунь Цэ скривил губы:

— Я просто поддаюсь тебе. Если ударю всерьез, боюсь, юный господин Гунцзинь расплатится.

Услышав это, Чжоу Юй вспыхнул:

— Ты кого это назвал плаксой?

С этими словами он яростно выпал в сторону Сунь Цэ. К счастью, тот увернулся быстро, иначе острое и вправду пронзило бы ему грудь. Сунь Цэ обратным хватом прижал наконецник копья Чжоу Юя древком своего Копья Великого Властелина. Чжоу Юй изо всех сил дернул вверх, отчего оружие Сунь Цэ отскочило, но тот вовсе не рассердился и, ухмыляясь, похвалил:

— А ты заметно прибавил в боевом мастерстве.

Не тратя слов на пустые споры, Чжоу Юй вновь бросился в атаку, целясь Сунь Цэ в голову. Тот поднял руку для защиты, но Чжоу Юй лишь сделал обманный выпад, тут же отдернул оружие и, пустив его в дело сызнова, нацелился прямо в поясницу Сунь Цэ. Тот уже не успевал увернуться, и Чжоу Юй ударил его древком копья в бок. Почувствовав боль, Сунь Цэ взвыл:

— Обманщик! Больше не играю.

Чжоу Юй с улыбкой отозвался:

— Если тебе и впрямь встретится такой подлец, Бофу, останется только упасть на колени и молить о пощаде.

Сунь Цэ возмущенно заявил:

— Во всем мире нет никого столь же умного, кто мог бы сравниться с Гунцзином!

Чжоу Юй не выдержал и громко рассмеялся.

Сунь Цэ уставился на него, и в тишине прозвучал его низкий, завораживающий голос:

— Тебе не жалко было бить меня в полную силу по пояснице? Неужели ты не боялся мне её повредить?

Чжоу Юй ошеломленно хлопал глазами, явно не уловив подвоха, и серьезно ответил:

— В другие места бить и вовсе нельзя. В крайнем случае, в следующий раз ударю тебя по рукам или голням?

Сунь Цэ усмехнулся и продолжил притворяться, что ему больно. Поддерживая себя за поясницу, он простонал:

— Выходит, по твоей логике, я должен просто умереть от боли?

Чжоу Юй нахмурился:

— Ты и вправду травмировался? Пойдем в комнату, я нанесу тебе мазь.

Сунь Цэ принялся отпираться:

— Ай, я не могу идти, у меня в глазах темнеет.

С гримасой крайнего брезгливости Чжоу Юй взвалил его руку себе на плечо, заставил прижаться к себе и потащил в дом, бормоча под нос:

— Только попробуй притворяться. Суший ребенок.

Сунь Цэ с живым интересом поинтересовался:

— Это почему же я ребенок?

Чжоу Юй одарил его презрительным взглядом:

— Да потому что стоило мне сказать, что мы — государь и подданный, а не братья, как ты целых несколько дней дулся. Скупердяй.

Усевшись на циновку и наблюдая, как Чжоу Юй мажет ему спину, Сунь Цэ не мог сдержать улыбку и продолжил:

— Верно, я злопамятный, так что не смей меня злить.

Закончив с мазью и глядя на его крепкое тело, Чжоу Юй на мгновение замер. На пояснице был лишь легкий синяк, о серьезной травме не было и речи. Только теперь он понял, что Сунь Цэ просто дурачился, и торопливо отвел взгляд:

— Живо надевай одежду.

Услышав это, Сунь Цэ тут же с шумом сбросил верхнюю одежду и демонстративно повернулся к Чжоу Юю лицом. Чжоу Юй вмиг растерялся, не зная, куда деть глаза. Сунь Цэ терпеть не мог, когда ему указывали, что делать, и вечно шел наперекор, особенно с Чжоу Юем.

— Если и надевать, то только с твоей помощью. Или ты отказываешься покориться мне? — торжествующе произнес Сунь Цэ.

Чжоу Юй нахмурился: он чувствовал, что потакать надменным привычкам Сунь Цэ нельзя, и после паузы ответил:

— Раз так, я позову пару молоденьких служанок, пусть по очереди прислуживают господину при одевании.

С этими словами он уже собрался шакнуть к выходу, но Сунь Цэ испугался и преградил ему путь:

— Только не это! Если станет известно, что меня одевают служанки, куда девать лицо Маленького Властелина?

Чжоу Юй одновременно злился и смеялся:

— А если одевать будет твой советник, это что, не позор?

Сунь Цэ надул губы и тихо пробормотал:

— Я ведь никогда не считал тебя просто советником.

Чжоу Юй подошел ближе, помогая Сунь Цэ одеться, и с легкой улыбкой парировал:

— Тем более — братом по крови и духу.

Сунь Цэ молча глядел на безупречное, подобное нефриту лицо Чжоу Юя, на эту несравненную, озаряющую целую эпоху красоту.

В этот самый момент в комнату вошла госпожа Чжоу в сопровождении двух служанок, неся собственноручно сваренный целебный отвар. Каждый день в это время она приносила лекарство сыну, всё еще переживая, что те несколько дней назад он перенес обморок, долго стоял на коленях во время траура и почти ничего не ел. Она так боялась, что здоровье сына пошатнется! Ведь помер-то не его собственный отец, а он убивался так сильно... эх.

Впрочем, эти страхи были напрасны: Чжоу Юй был еще так молод, а его недавний низкий уровень сахара в крови давно прошел благодаря уходу. И всё же, чтобы успокоить мать, ему приходилось послушно пить целебный суп целыми днями.

Едва переступив порог, госпожа Чжоу остолбенела: ее сын помогал одеваться сыну главы клана Сунь! Это ведь совершенно выходило за рамки этикета отношений государя и подданного.

Вырвавшееся у нее потрясенное восклицание: Вы что творите?! — заставило Чжоу Юя и Сунь Цэ замереть на месте. Но когда Чжоу Юй попытался отступить подальше от Сунь Цэ, тот внезапно схватил его за руку, не позволяя сдвинуться с места. Две служанки за спиной госпожи Чжоу от изумления прикрыли рты руками. Госпожа Чжоу поставила целебный отвар на стол и в упор уставилась на двоих юношей.

Сунь Цэ отдал ей должное приветствие:

— Приветствую почтенную госпожу Чжоу.

Госпожа Чжоу ответила на поклон, и в ее голосе прозвучало недовольство:

— Твоя покорная служанка приветствует господина Сунь.

Сунь Цэ поспешно остановил ее:

— Почтенная госпожа Чжоу старше меня по возрасту, к тому же вы — близкий друг моего покойного отца, вам не к лицу соблюдать такие формальности.

Госпожа Чжоу тут же парировала с подтекстом:

— Сказано верно. А Юй-эр — дуду нашей цзяндунской армии, ему и подобает от имени моей скромной персоны засвидетельствовать господину должное почтение как государю.

Чжоу Юй испугался: мать раскусила их тайну и теперь напоминала ему о необходимости знать свое место и не преступать дозволенные границы. Чжоу Юй опустил голову еще ниже и, чувствуя себя совершившим дурной поступок, резко вырвал руку из хватки Сунь Цэ.

Хотя на душе у Сунь Цэ было не слишком приятно, вслух он произнес:

— Юй и Цэ — словно братья по крови и духу. Когда мы не в походе, мы одна семья, так что излишняя чопорность ни к чему.

Госпожа Чжоу нахмурилась. Даже самый глупый посторонний человек с первого взгляда понял бы, что происходящее между ними никак не вписывается в рамки отношений братьев! Увы, оба эти ребенка — мужчины. Мало того что небеса не благоволят им, так еще и волю судьбы невозможно изменить. Тяжело вздохнув, госпожа Чжоу произвела:

— В Книге ритуалов сказано: Благородный мужей наставляет речью, но удерживает от дурных поступков. Поэтому в словах должно предумысливать их исход, а в поступках — предвидеть последствия... □□ следует быть осмотрительным в речах и осторожным в делах.

Сунь Цэ выслушал это без гнева и раздражения, прямо ответив:

— В Лисао сказано: Таково уж желание сердца моего, хоть девять раз умру — не расскаюсь!

Госпожа Чжоу была так разгневана, что готова была выпалить: Ах ты мерзавец, да вы оба совершаете преступление против небес! Но Сунь Цэ был правителем Цзяндуна, к тому же не ее родным сыном.

Воздух вокруг внезапно стал донельзя тихим. Опасаясь, что мать воспримет дерзкий тон Сунь Цэ в штыхи, Чжоу Юй уже собирался взять вину на себя, но госпожа Чжоу опередила его:

— Довольно. Раз господин хорошо обращается с моим сыном, ваша покорная служанка безмерно за это благодарна.

Развернувшись, она вышла из комнаты. Сунь Цэ и Чжоу Юй облегченно выдохнули. Глядя вслед удаляющейся матери, Чжоу Юй испугался: не был ли он неблагодарным сыном, который

ради помощи Сунь Цэ обижают родную мать? Лицо его омрачилось глубокой тоской.

Сунь Цэ же вовсе не собирался над этим размышлять. Заметив, что целебный суп почти остыл, он напомнил:

— Эй, ешь скорее, а то остынет.

Чжоу Юй, припав грудью к столу, лениво ковырял ложкой в пиале. Заметив его уныние, Сунь Цэ поддразнил его:

— Что, стряпня твоей матушки тебе не по вкусу?

Чжоу Юй бросил на него сердитый взгляд, находя Сунь Цэ совершенно бесчувственным — надо же шутить в такой момент!

Заметив, что тот и вправду рассердился, Сунь Цэ приподнял брови:

— Ты же столько древних трактатов перечитал: сыновний долг и верность государю издревле трудно совместить.

Не обращая на Сунь Цэ никакого внимания, Чжоу Юй поднялся с места, собираясь уйти, но Сунь Цэ единым движением вернул его на место, усадив обратно. Глядя на Чжоу Юя сверху вниз глубоким, пронзительным взглядом, он тихо произнес:

— Пока не доешь, с места не сойдешь.

— Да ты...! — возмущенно уставился на него Чжоу Юй.

Кто же знал, что Сунь Цэ развернется, захлопнет дверь и встанет на страже у входа, с игривой усмешкой бросив:

— Если твоё здоровье ухудшится и с тобой что-то стряется, ты больше не сможешь разрабатывать для меня планы, да и лекаря снова придется звать — слишком накладно!

Чжоу Юй поджал губы:

— Выходит, грозная слава Маленького Властелина Цзяндуна держится лишь на твоём деспотизме и диком самодурстве.

Сунь Цэ от этих слов согнулся пополам от смеха.

Во время осеннего сбора урожая зернохранилища Цзяндуна ломились от избытка, а набор в армию шел полным ходом. В прекрасном расположении духа Сунь Цэ обсудил с Чжоу Юем выступление в поход сразу после прихода весны, дав клятву отомстить за смерть отца.

Глубокой зимой, в канун Праздника Весны, поместье Сунь пестрело яркими гирляндами и фонарями, резали кур и забивали уток. Весь Цюйа утопал в атмосфере праздника, люди громко смеялись и праздновали наступление нового года.

Матери семейств Сунь и Чжоу хлопотали без продыху. Младшая сестра Сунь Цэ, Сунь Шансян, которой еще не исполнилось и года, и десятилетний Сунь Цюань были безумно счастливы. Малышка вела себя тихо — лишь агукала на руках у второй госпожи, а вот Сунь Цюань вовсю орал, требуя хлопушки. Слуги изнемогали от забот: не дай бог мальчишка покалечится, как потом оправдываться? Поскольку Сунь Цэ целыми днями пропадал с Чжоу Юем, госпожа Сунь переключила всю энергию на воспитание Сунь Цюаня. Слуги же, глядя на то, куда дует ветер, решили, что Сунь Цюань с наибольшей вероятностью займет престол, и потому боялись как перечить ему, так и позволять ему баловаться без присмотра.

Видя, что прислуга отказывается давать ему хлопушки, Сунь Цюань побежал к Сунь Цэ, требуя добыть их. Но Сунь Цэ с головой ушел в обсуждение военных дел с Чжоу Юем и совершенно не обращал на него внимания. Сунь Цюань закатил истерику со слезами и криками, и Чжоу Юй, не выдержав, посоветовал Сунь Цэ:

— Бофу, скоро Новый год, отдохни немного, не изнуряй себя.

Сунь Цэ притянул Сунь Цюаня к себе и, делая вид, что сердится, рявкнул:

— Братец Цюань, если еще раз устроишь скандал, старший брат больше никогда не даст тебе хлопушек!

Сунь Цюань звонко захихикал, и тогда Сунь Цэ вместе с ним и Чжоу Юй отправился на улицу за покупками. Управляющий попытался отговорить его:

— Старший молодой господин, госпожа запретила младшему господину играть с хлопушками.

Сунь Цэ отмахнулся, раздраженно бросив:

— Я сам присмотрю за братом. Дорогу.

На улице толпился народ: одни спешно закупали новогодние товары, другие встречали родственников у пристани. Там же проходили представления акробатов, зажигались костры и взмывали ввысь фейерверки. Сунь Цюань был вне себя от радости, позабыв всю тоску от ежедневной учебы и тренировок. Он крепко держал Чжоу Юя за руку и упорно норовил идти ровно посередине — между Сунь Цэ и Чжоу Юем.

Троица дошла до лавки, торгующей фейерверками и хлопушками. Торговец согнулся в поклоне:

— Что изволят благородные господа? Осматривайте всё, что угодно!

Сунь Цюань сразу заметил одну хлопушку и закричал, обращаясь к Сунь Цэ и Чжоу Юю:

— Братец Цэ! Братец Юй! Купите мне вот эту!

Чжоу Юй с улыбкой отдал торговцу деньги. Сунь Цэ тем временем внимательно разглядывал картонную трубку фейерверка. Заметив, что намечается еще одна сделка, продавец поспешно обратился к нему:

— О, это новинка! У благородного господина отличный глаз: взлетит — будет красивее весенних цветов в марте, вот только стоит немного дорого...

Сунь Цэ небрежно бросил слиток серебра, отчего глаза торговца сощурились в тоненькие полоски: вычтя стоимость трубки, он насыпал полный ворох хлопушек и передал их прямо в руки Сунь Цэ.

Шутка.

По дороге обратно в поместье Сунь Юй то и дело пытался удержать Сунь Цюаня, который, словно маленький любопытный зверек, норовил заглянуть во все лавки. Сам же Сунь Цэ нес купленные фейерверки и петарды. Вдруг Сунь Цюаня привлекли зазывающие крики уличных артистов, и он, не слушая никого, бросился следом за толпой поглазеть на представление. Чжоу Юю ничего не оставалось, как повернуться и броситься в погоню. Не сумев протиснуться сквозь плотную толпу из-за своего невысокого роста, Сунь Цюань виновато уставился на Чжоу Юя.

Тому пришлось поднять мальчика на руки. Окинув взглядом арену, Сунь Цюань понял, что это представление видел еще в прошлом году, и, сочтя его скучным, попросил опустить его на землю, собираясь поскорее вернуться домой и запускать хлопушки. Чжоу Юй горько усмехнулся: какой же капризный маленький господин, вылитый некий Сунь Цэ.

Стоило ему повернуться, как толпа толкнула Чжоу Юя. Он не удержал равновесие, угодил ногой непонятно на что и, споткнувшись, полетел вниз. Внезапно кто-то подхватил его: Чжоу Юй лицом уткнулся в чужую грудь. Одной рукой незнакомец обнял его за талию, а в другой удерживал охапку фейерверков. Медленно подняв голову, Чжоу Юй встретился взглядом с глазами Сунь Цэ. Тот помолчал немного, уголки его губ приподнялись в игривой усмешке:

— Чего это ты ждал?

Щеки Чжоу Юя вмиг залились густой краской. Резко оттолкнув Сунь Цэ, он перехватил у него

хлопушки, прижал к груди и поспешно сменил тему:

— Я просто помогаю Бофу донести вещи. Бофу, ступай скорее догонять брата Цюаня!

Сунь Цэ многозначительно покосился на Чжоу Юя и бросился на поиски своего проказливого брата.

Вернувшись в поместье Сунь, Сунь Цэ велел слугам отвести Сунь Цюаня запускать хлопушки, а сам, прихватив трубку фейерверка, потащил Чжоу Юя во внутренний двор, где они жили. Чжоу Юй с улыбкой заметил:

— И ты еще ругал брата Цюаня, а сам — ну точно ребенок, которому непременно нужно поиграть с фейерверком.

Сунь Цэ, изучая устройство трубки, ответил:

— Это совсем не то, во что играют дети.

Чжоу Юй подумал про себя: и чем же это может отличаться? Внезапно в его памяти всплыли детские годы: родители требовали от него строгой дисциплины, дни напролет были расписаны чтением, каллиграфией, игрой на цине и боевыми искусствами, так что времени на игры со сверстниками не оставалось вовсе, и как выглядели петарды или фейерверки, он давно уже забыл.

Вдруг раздался свист, и сноп огня прямо перед глазами Чжоу Юя устремился ввысь. С хлопком он замер в небе и рассыпался тысячей огненных цветов, испускающих шлейф искр. Разлетевшись кругами и квадратами, разноцветные искры озарили всё ночное небо. Слуги во всех уголках поместья Сунь остановились, задрав головы.

Это было неопишимо красиво — казалось, будто на небе расцвели созданные из света цветы. Вспышка за вспышкой устремлялись ввысь... Так вот что такое фейерверк? Чжоу Юй зачарованно глядел на небо. В этот миг вокруг царила абсолютная тишина: никаких бряцающих доспехов и коней, никаких злословий и сплетен, лишь озаренное яркими огнями небо да Бофу с Гунцзином.

Сунь Цэ всматривался в ослепительное лицо Чжоу Юя. В его чистых, прекрасных глазах отражались разноцветные вспышки ночного неба — зрелище поистине неземное. Подавшись вперед и прижавшись плечом к Чжоу Юю, Сунь Цэ тихо шепнул ему на ухо, пока тот любовался фейерверком:

— Гунцзинь, это наш первый совместный год, и впереди их будет еще много. На самом деле я всегда хотел сказать тебе: встретить тебя — величайшее счастье для меня.

Чжоу Юй остолбенел, сердце его забилося чаще. Не отрывая глаз от фейерверка, он тихо ответил:

— Бофу, ты сегодня сам не свой. Несешь какую-то чепуху, с чего вдруг расточать мне похвалы?

Оба они были уверены, что вокруг никого нет. Кто же знал, что ради того, чтобы посмотреть на фейерверк, многие слуги прибежали прямо в их внутренний двор! Добравшись до входа, они увидели стоящих так близко друг к другу господ и замерли на месте, не смея издать ни звука, вытаращив глаза в ожидании продолжения.

Позади зевак раздался яростный рев, нарушивший тишину:

— Вы что удумали, бездельники! Даже для того, чтобы побездельничать, не обязательно собираться такой толпой! Спать что ли расхотелось?

Оказалось, что главный управляющий поместья Сунь обнаружил пропажу работников со своих постов и, бросившись на поиски, застал их за подглядыванием за господами. Слышанное ли дело! Независимо от того, чем заняты господа, правило было одно: подглядывать нельзя.

Разогнав зевак, управляющий и сам не удержался — украдкой припал к стене, решив заглянуть во внутренний двор: должно же там быть что-то интересное, раз все сбежались посмотреть.

Однако он не успел ничего толком разглядеть, как сзади к нему подкрался Чжоу Хань, похлопал по плечу и жестом велел убираться. Управляющему пришлось с кислым видом удалиться.

Весь клан Сунь прекрасно знал, что положение Чжоу Юя уступает лишь самому Сунь Цэ. А уж личный слуга Чжоу Юя, Чжоу Хань, и вовсе был человеком, с которым лучше не связываться.

Хотя празднующихся разогнали, Чжоу Ханя тоже снесло любопытство: что же там делают господа? В глубине души он решил сначала подсмотреть, а потом просто признаться молодому господину и извиниться.

Поэтому Чжоу Хань на цыпочках тоже подкрался к стене и заглянул во двор. От увиденного он зажал рот рукой, чтобы не вскрикнуть.

На фоне великолепных, цветущих в небе огней Чжоу Юй со всего маху пнул Сунь Цэ! А после этого развернулся и бросился обратно в свою комнату, захлопнув дверь. Фейерверк к тому моменту уже погас. В наступившей темноте Чжоу Хань даже не понял, с каким выражением лица Сунь Цэ поднялся, отряхнулся и поплелся к себе.

Судорожно вздохнув, Чжоу Хань отвернулся. С чего это вдруг его молодой господин взял да

пнул молодого господина клана Сунь? Чжоу Хань решительно не мог этого понять. Он знал лишь одно: сейчас следовало немедленно запереть железные ворота внутреннего двора, пока слухи не расползлись повсюду.

И как раз в этот момент из двора госпожи Сунь прибыли посланцы с приглашением к Сунь Цэ и Чжоу Юю отведать блюда, приготовленные самой госпожой. Чжоу Хань покрылся испариной от неловкости. Повернувшись к служанкам госпожи Сунь, он пролепетал:

— Две сестрицы, подождите немного, я доложу хозяевам.

Подойдя к двери комнаты, Чжоу Хань тихонько постучал и позвал:

— Молодой господин, отворите, это Хань.

Изнутри донесся сердитый голос Чжоу Юя:

— Проваливай!

Ничего не поделаешь, Чжоу Хань направился к двери Сунь Цэ и постучал туда:

— Господин, почтенная госпожа Сунь приглашает вас...

Не успел он договорить, как низкий голос Сунь Цэ оборвал его всего одним словом:

— Прочь.

С виноватым видом Чжоу Хань повернулся к служанкам госпожи Сунь и ответил:

— Господин сказал, что не придет. Прошу сестриц возвращаться.

Служанки сердито фыркнули и удалились.

Проводив служанок, Чжоу Хань вернулся к Чжоу Юю. Войдя в комнату, он увидел, что тот пьет вино, и испуганно бросился останавливать его:

— Что вы делаете, молодой господин? Злоупотребление вином вредит здоровью!

Из-за выпитого вина лицо Чжоу Юя порозовело. Оттолкнув Чжоу Ханя, он сверкнул пьяными глазами и процедил сквозь зубы:

— Не лезь не в свое дело!

Чжоу Хань больше не смел отговаривать его, лишь обеспокоенно спросил:

— Тогда, может, молодой господин объяснит слуге, что же там стряслось?

Несколько минут назад Сунь Цэ с ухмылкой спросил Чжоу Юя:

— Как думаешь, фейерверки красивые?

Чжоу Юй кивнул и улыбнулся:

— Красивые.

Сунь Цэ вновь усмехнулся:

— А по мне, они и на одну десятитысячную не так красивы, как ты.

Румянец на лице Чжоу Юя стал еще глубже:

— Ты...

Улыбка исчезла с лица Сунь Цэ, и он серьезно произнул:

— Я говорю искренне.

Чжоу Юй, казалось, принял какое-то решение. Подняв взгляд на Сунь Цэ, он только хотел было что-то сказать, как Сунь Цэ опередил его:

— Будь ты женщиной, я бы на тебе женился. Жаль, что ты мужчина.

— Вот именно... — заметив, как сперва вспыхнувшее в ожидании лицо Чжоу Юя омрачилось разочарованием, Сунь Цэ победно улыбнулся и добавил с игривой издевкой: — Ты ведь такой умный, силен и в науках, и в боевых искусствах, да и происхождение у тебя знатное. Если тебя переманит кто-то другой, у меня будет столько головной боли.